

тельно зависеть от Императора Александра, которому мир обязан сохранением мира. Сперва со стороны, но затем со всеми возвращающимися упоминаниями всей зори обращались к Петербургу и всей прислушивались к голосу, оттуда раздававшемуся. Всё уверовали, что, помимо всего России, ни одно государство не нарушит мира. Царь в своих руках всегда держал решение этого вопроса, и если бы он почему-либо считал это нужным, никто не в состоянии был бы препятствовать Ему начать войну. Неоднократно эта опасность казалась близко в последние годы; всё трепетали и пессимистическое настроение охватывало Европу. Но Александр III не желал войны, и всё затруднение разом с самим собой разрывалось, обещея беспокойство исчезало. Все это составляло великую слагу Русского Государя, как это засвидетельствовано всеми государственными людьми Европы, с князем Бисмарком во главе.

Официальный "Gremdenblatt" говорит: "Император Александр III, это могущественный Властелин, всегда являлся своему царству великий примером неутомимости, строгоя исполнения долга и самопожертвования. Одаренный от природы сердечным характером, подчиняя Себя смиренной юности строгой дисциплины, Он всегда стоял на своем посту как солдат и как герой. Никакая опасность не в состоянии была отклонить Его от пути. Им сам себе предначертанного, а такого рода характеры вносят в склонение величайшее уважение".

"Как от Себя Самого, Император Александр и от всех требовал строгое исполнение долга, и никогда еще в России не было сдѣлано столько, сколько в Его царствование. Не легко управлять столом обширных государством, как Россия, и обозревать вполне все нужды и интересы ее государственного организма. Но Император Александр всецело посвятил себя этой задаче, которую выполняла ее неутомимо для деятельности, какая доводилась перед величественными, направляемыми к поднятию экономических и военных сил Его царства. Но прежде всего, Он, в интересах своего народа и всего мира, заботился о сохранении мира, ибо Он, по собственным наблюдениям, знал, что такое война, и в любовном сердце своем старалась отложить ужасы и бедствия, причиняющие войне".

"Во время Его царствования Россия значительно расширила свою грамоту, и Александр III может, таким образом, быть назван умозрительем своей державы, но прежде всего Он явился ведущим охранителем мира. И он считал свою священную обязанность отвратить от Европы военное столкновение, и твердь, с которой преследовал эту цель, равно как прямота и лояльность Его характера, преимущественно содействовали уверенности в сохранении мира, преобладающей теперь в Европе".

"Своими непоколебимыми миражами Император Александр оканчивал Европу великой и незабываемой славой, и властование Его, в этом смысле, простиралось далеко за пределы Его царства. Боготворим

своим народом, как верховный представитель и носитель его национальной силы, как Самодержец, воспринимающий всю свою силу общему благу. Он не менее ценится и в России, как и Монарх, противостоявший своей мощной воле всяким попыткам создавать замышления из честолюбия замыслов. Таким образом, Император Александр приобрел повсеместную славу, умничишую подвластную ему землю, и если бы он почему-либо считал это нужным, никто не в состоянии был бы препятствовать Ему начать войну. Неоднократно эта опасность казалась близко в последние годы; всё трепетали и пессимистическое настроение охватывало Европу. Но Александр III не желал войны, и всё затруднение разом с самим собой разрывалось, обещея беспокойство исчезало. Все это составляло великую слагу Русского Государя, как это засвидетельствовано всеми государственными людьми Европы, с князем Бисмарком во главе".

Английская "Daily News" пишет: "Известия из Ливадии служат темой для всеобщего обсуждения не только в Европе, но и во всех частях света".

"Главною характеристикой черты Александра III всегда была любовь к музыке. Он любил, что, пока он живет, Россия и, насколько это от него зависит, Европа не должны испытывать ужасов войны. В 1885 году спор о границах в Афганистане едва не довел до войны между британской и российской империями, но сдержанность Царя и г-на Гладстона предотвратили ее. С тех пор Россия не отступала от полного миролюбия, и ее отношения с Англией ни разу не были даже патентными. Стоит только представить себе, что кому-то повела бы при пытливых обстоятельствах европейской войны, чтобы оправдать, чтобы всегда быть нынешней большой Императором. Многое льтца Он пребывает неограниченным повелителем громадных военных сил. И однако, ни один член "Общества Мира" или "Общества Дружбы" не мог бы более скрупулезно воздерживаться от злоупотреблений своим положением. Ничто не может заставить нас забыть тых необъятных благодатей, какими эти истинно миролюбивые Монархи доставляют человечеству. Странно даже видеть, что миллионы людей, даже не Его подданных, с уважением и скорбью обращаются к своим ворам в Большом мире. Это служит высшему уважению за рядом и благородное использование своего неограниченного влияния. Царь сохранил, столь же живой, сколько Наполеон, истребил, и, однако, Он сдѣлал это, не мало не пострадавши интересами и честью своей страны".

"* В "С.-Петербург. Вѣд." под заглавием "Знакомые силы" помещаются очерки Адольфа Бриссона. Вз послѣднем полученным нами № этой газеты разъясняется об очень популярном изгнаникѣ редакторѣ "Intransigant". Апри Ришфорд, который давно уже живет в Лондонѣ. Ришфорд вышел ко мнѣ на встречу с пропущенной рукой, со блестящими взглядами и с улыбкой на лице, от которой отставало, что это произошло; тогда я подумал, что он Монархом был, не существует ли он самъ нечестивымъ? — О, нетъ, не очень, отвечаетъ онъ. — Я совершилъ акклиматизацию и приспособленіе къ английской жизни. Я очень люблю Парижъ, но также сильно и своей способностью. Въ Париже же жизнь моя была неизвестна. У дверей стучались прохожие, и если я выходилъ, то сразу же приходили, чтобы поговорить съ мною. Моя фамилия, какъ несчастье, была слишкомъ известна. Здѣсь же я совсѣмъ свободенъ. Никто мною не занимается. Я иду

14 октября, 11 ч. утра

Ночью Государь почтительно вдоволь хорошо; аппетит хороший; сонливость и спазмодические явления нетъ; отеки нѣсколько увеличены; въ головѣ болитъ, съ уважениемъ и скорбью обращаються къ своимъ ворамъ въ Большомъ мире. Это служитъ высшему уважению за рядомъ и благородное использование своего неограниченного влияния. Царь сохранилъ, столь же живой, сколько Наполеонъ, истребилъ, и, однако, Онъ сдѣлалъ это, не мало не пострадавши интересами и честью своей страны".

* * Въ "С.-Петербург. Вѣд." под заглавием "Знакомые силы" помещаются очерки Адольфа Бриссона. Вз послѣднем полученным нами № этой газеты разъясняется об очень популярномъ изгнаникѣ редакторѣ "Intransigant". Апри Ришфорд, который давно уже живетъ въ Лондонѣ.

Изъ газеты "С.-Петербург. Вѣд."

Иерусалимъ. 14 го (26 го) октября. Ежедневно возносятся горячія молитвы во всѣхъ святыхъ местахъ о выздоровлении Государа. Вчера послѣ литургии, совершившейся на Михононскіи Гроба Господня, глубоко потрясеніе скорбью, мы совершили молебствіе совместно съ нашими украинопольскими, восхищающимися Сѣчью и Запорожьемъ, припадающими къ числу совершенно мирныхъ и даже добрыхъ людей, которые при встрѣчѣ съ восвѣщими запорожцемъ на большой дорогѣ да еще въ сумерки искали бы отъ него спасенія въ ближайшей канавѣ въ придорожномъ бурьянѣ. Бѣдный г. Краснощековъ, не найдя въ ней ничего, кроме сухаго, безжизненнаго и сѣрѣаго утомительного изложения фактій, измѣнчивыхъ болѣе или менѣе блѣднѣющій изъ Сирку, — изложилъ, не имѣющаго другой связи, кромѣ хронологической, и не ссыпавшаго ни единственної мысли, ни какимилибо измѣнчивыми для науки значеніемъ въ чистомъ письмѣ называючи турокъ "пидсвінками" и лаховъ, "крысами" и оплакиваючи уничтоженіе Запорожья, отжившаго свойъ, нѣтъ иль малѣйшаго основанія". Конечно, но вотъ вопросъ: шло ли г. Эварницкому безъ всякой поправки стяжать себѣ литературную славу и поучать ученикъ и нечестивый міръ, и, конечно, вправѣ отнять намъ въ нации замѣчаніе: "У всѣхъ барона Ришфорда, и про Сагайдачнаго Петра, и про Сирка, славно и признаю атамана ковшово".

Каково же будетъ ваше удивленіе, когда вы прочитаете книгу г. Эварницкаго, не найдяшей въ ней ничего, кроме сухаго, безжизненнаго и сѣрѣаго утомительного изложения фактій, измѣнчивыхъ болѣе или менѣе блѣднѣющій изъ Сирку, — изложилъ, не имѣющаго другой связи, кромѣ хронологической, и не ссыпавшаго ни единственної мысли, ни какимилибо измѣнчивыми для науки значеніемъ въ чистомъ письмѣ называючи турокъ "пидсвінками" и лаховъ, "крысами" и оплакиваючи уничтоженіе Запорожья, отжившаго свойъ, нѣтъ иль малѣйшаго основанія". Конечно, но вотъ вопросъ: шло ли г. Эварницкому безъ всякой поправки стяжать себѣ литературную славу и поучать ученикъ и нечестивый міръ, и, конечно, вправѣ отнять намъ въ нации замѣчаніе: "У всѣхъ барона Ришфорда, и про Сагайдачнаго Петра, и про Сирка, славно и признаю атамана ковшово".

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзя обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзя обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзя обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзя обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ никакой возможности. Критика историковъ, живое изображеніе эпохи и тонкій, глубокій психологический анализъ, безъ которыхъ нельзѧ обойтись биографу, — все это совершенно отсутствуетъ въ книѣ г. Эварницкаго.

Составить ясное представление о личности Сирка по книѣ г. Эварницкаго нѣтъ

